

С. С. Войтиков

«Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной»: основа для обсуждения ключевых проблем одной из крупнейших трагедий России

В 2006 г. крупнейший специалист по истории белого террора в России П. А. Голуб выпустил историко-документальный очерк по своей основной научной теме¹. Издание данной книги, базирующейся на обширных наработках автора советского периода, в издательстве «Патриот» (бывшем издательстве «ДОСААФ») было абсолютно логично, поскольку книга Голуба представляла собой не только фундаментальное исследование белого террора, но и яркое публицистическое произведение. В отличие от этой книги, новая монография «Хроника белого террора в России» известного петербургского специалиста И. С. Ратьковского² написана в строго академическом стиле и лишена каких бы то ни было признаков патетики³.

Единственным общим признаком двух исследований — П. А. Голуба и И. С. Ратьковского — является использование широкой источниковой базы. Правда, если П. А. Голуб привлекал для своего исследования главным образом документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), то И. С. Ратьковский, используя отдельные документы ГАРФ, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Орловской области, сосредоточился на многочисленных источниках личного происхождения (в списке источников и литературы — 176 наименований) и материалах

Войтиков Сергей Сергеевич
кандидат
исторических наук,
Центральный
государственный
архив города Москвы
(Москва, Россия)

периодической печати (48 журналов и газет исследуемого периода). При этом И. С. Ратьковский активно использовал документальные публикации и учел многочисленные современные научные изыскания отечественных авторов. В целом же в основу рецензируемой книги положены «как источники личного происхождения (мемуары, письма, дневники), материалы периодической печати исследуемого времени, так и многочисленные публикации документальных источников самого разного плана: от судебных документов до дипломатических нот» (с. 19). Всего на объем около 20 авторских листов — около полутора тысяч ссылок.

Прежде чем перейти собственно к анализу книги, следует сказать несколько слов о ее своеобразной жанровой принадлежности. Со времен выхода справочника А. И. Кокурина и Н. В. Петрова⁴ в современной историографии получил распространение жанр справочника с серьезной вводной статьей монографического типа и документальным приложением. Документального приложения в книге И. С. Ратьковского нет, однако в книге представлен хронологический ряд событий белого террора с пространными цитатами из источников. Книгу открывает серьезное введение (для справочников отнюдь не характерное), в котором дан подробный анализ историографии вопроса, обосновывается термин «белый террор», охарактеризованы цель и задачи книги, источниковая база исследования.

Автор трактует самый термин «белый террор» расширительно. По его словам, «белый террор» — термин достаточно обобщенный, включающий в себя явления, происходившие под различными «политическими вывесками», как собственно Белого движения, так и в целом антибольшевистского сопротивления, включая правосоциалистические режимы «демократической контрреволюции» лета — осени 1918 г. Сами эти режимы (например, самарский КОМУЧ), несмотря на преобладание «социалистического элемента» в руководстве, опирались в своей практической деятельности на добровольческие белые военные формирования, зачастую даже утверждаясь при прямом участии офицерского подполья. Таким образом, *в основе антибольшевистского террора даже социалистических правительств часто лежал белый террор* (курсив наш. — С. В.). Разница между «правосоциалистическими» и «белыми» режимами тем более не принципиальна, так как белые режимы нельзя однозначно противопоставлять «народным эсеровским режимам» в вопросе выбора будущей формы правления. Следует также добавить, что масштаб террора «эсеровских» государственных формирований был отнюдь не связан с их политической риторикой. Так, в Поволжье в период «эсеровского» государственного строительства летом — осенью 1918 г. жертвами антибольшевистского террора стали не менее 5 тыс. чел. Белый (антибольшевистский) террор в период Гражданской войны в России также включает террор белофиннов, белочехов, белополяков, германских и других оккупационных войск (например, Японии), так как их действия распространялись на значительные области России и решали одну задачу: утверждение антибольшевистских начал на контролируемых ими территориях. Ряд этих иностранных формирований прямо подчинялся органам белой власти, другие действовали согласованно с ними, либо с «народными социалистическими режимами» или местными «национальными режимами» антибольшевистской направленности. Под белым террором в период Гражданской войны следует также понимать такие разнообразные явления, как

индивидуальный антибольшевистский террор и вооруженные контрреволюционные выступления, в ходе которых фиксировались самосудные расстрелы советских работников (в данном исследовании рассмотрены более кратко, чем “массовый белый террор”). Таким образом, разнообразные насильственные действия, направленные против большевистской власти на территории советской республики (либо ее бывшей территории), обладающие признаками террора, в конечном счете, можно причислить к проявлениям белого (антибольшевистского) террора» (с. 10–11). Прекрасно понимая, что далеко не все коллеги по цеху оценят подобное расширительное толкование термина, И. С. Ратьковский поясняет: «Такая постановка вопроса, возможно, не совсем оправданно расширяет понятие белого террора в отношении, в частности, крестьянского движения. Однако в упрощенном варианте и при сопоставлении с красным террором и репрессиями (в такой же широкой трактовке), в их противоборстве, взаимопричинности, взаимовлиянии, рассматривать белый террор как цельное явление (включающее данный аспект) представляется допустимым» (с. 11). Как видим из выделенного нами фрагмента введения и основного текста книги, в хронику белого террора в России справедливо включены репрессии, развязанные иностранными интервентами (см., напр., с. 119–120, 229).

Логична ли подобная постановка вопроса? На наш взгляд, абсолютно. Не единожды автору рецензии приходилось слышать доклады маститого биографа Колчака А. С. Кручинина на тему «Что есть Белое движение?», каковы его территориальные и, главное, хронологические рамки⁵. Поскольку в историографии отсутствует единство взглядов на более общий термин «Белое движение», то остается поле для трактовок понятия «белый террор». В данном случае обоснование термина, сделанное петербургским коллегой, представляется абсолютно оправданным.

Однако одно замечание представляется все же целесообразным. На наш взгляд, если трактовать термин «белый террор» расширительно, то начать книгу И. С. Ратьковскому следовало бы с изложения фактов из его же статьи о восстановлении смертной казни на фронте в 1917 г. Как указал историк, 9 июля только что назначенный главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта Л. Г. Корнилов направил Верховному главнокомандующему А. А. Брусилову и Временному правительству телеграмму со следующим призывом: «Принял фронт в исключительно тяжелых условиях прорыва противником наших позиций, обусловленного разложением и развалом, вызванными в армиях падением дисциплины, следствием чего явились самовольные уходы полков с позиций и отказы от немедленного оказания поддержки. Соотношение сил: приблизительно 1 противник на 5 наших... Нахожу безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, включительно до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность падет на тех, которые словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор, предательство, малодушие и себялюбие»⁶. Генерал А. А. Брусилов тогда поддержал корниловские требования, хотя впоследствии и высказывал сомнение в их эффективности⁷. Инициатива генерала Корнилова встретила сильное сочувствие в генеральских и офицерских кругах: 12 июля состоялось официальное восстановление смертной казни на фронте.

Как подчеркнул в статье И. С. Ратьковский, смертная казнь явилась не только ответом на разложение армии, но и легализацией уже проводившейся с легкой руки генерала Корнилова самосудной практики расстрелов в армии⁸. Как отметил И. С. Ратьковский, известный в будущем деятель Белого движения полковник М. Г. Дроздовский записал в дневнике своих действий на Румынском фронте: «...уже 1 августа разразился скандал: поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов... Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия, удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. <...> Сейчас чиню суд и расправу, авось приведу их (части. — С. В.) в порядок; они уже начинают чувствовать мой порядок»⁹. Представляется, в условиях разногласий терминологического плана события июля — начала августа 1917 г. вполне можно рассматривать как первое проявление белого террора. В данном случае последняя приведенная И. С. Ратьковским цитата из дневника М. Г. Дроздовского гармонировала бы с приказанием генерала пустить «В расход!» (с. 118) захваченных в плен то ли большевиков, то ли мобилизованных ими крестьян после боя дивизии Дроздовского за станицу Кореновскую в июле 1918 г. (с. 118, 119).

В историографии есть тенденция к рассмотрению в качестве нижней хронологической рамки Гражданской войны событий июля 1917 г. По мнению выдающегося военного стратега генерала А. А. Свечина, «состояние русской армии [в 1917 г.] ясно требовало отказа от каких-либо широких наступательных планов. Однако Керенский, стоявший во главе правительства, и Брусилов, ставший Верховным главнокомандующим, не отдавали себе в этом отчета. Они стремились поднять значение России в глазах Антанты успешным наступлением. Дипломатические представители Антанты оказывали соответственное давление; напрасно некоторые более опытные французские военные представители предупреждали об опасности перетягивать струну. «Наступление Керенского» началось... в момент, когда большое французское наступление уже было отбито и Франция не была способна к наступательным действиям. Серьезной цели оно не преследовало и не могло достичь. В рядах русской армии с момента наступления шла гражданская война (курсив наш. — С. В.). Наступление намечалось по обе стороны Днестра, на Юго-Западном фронте»¹⁰. Раз июльским наступлением русской армии 1917 г. можно датировать начало Гражданской войны, то июльско-августовские события 1917 г. уж точно можно рассматривать как первые вехи белого террора. Как следствие, начать свою книгу И. С. Ратьковскому, на наш взгляд, следовало с пересказа своей собственной публикации — с событий не октября, а именно июля 1917 г.

Напротив, часть событий, приведенных в книге, не совсем оправданно включена в хронику белого террора, что признаёт и сам автор: например, во все не доказана причастность бывших офицеров к покушению на В. И. Ленина 1 января 1918 г. (с. 33). Широко известный взрыв анархистами подполья здания Московского комитета РКП(б) 25 сентября 1919 г., которому посвящен раздел

«Красной книги ВЧК», также включен в хронику не вполне обоснованно (с. 300), поскольку это событие, как и указано в соответствующей записи книги, вовсе не имело отношения к белым. В данном случае следовало специально оговорить во введении *включение в хронологический перечень отдельных ключевых событий политической истории эпохи*. И. С. Ратьковский же оговаривает во введении лишь то, что «структура книги представляет хронологически последовательные акты белого террора и репрессивной антибольшевистской практики. Данная книга не исчерпывает все случаи белого террора, так как у многих выявленных автором случаев нет четкой датировки. <...> Возможным представляется и хронологическое смещение ряда событий, ввиду различия стилей времени (советского, белого, сибирского) в период Гражданской войны, а также учитывая мемуарный фактор ряда использованных источников» (с. 9).

Исследователь справедливо замечает: «Как белый государственный террор (террор “белых правительств”), так и красный (террор центрального правительства) имеют четкие границы — пространственные и временные. Террор же белый и красный вообще — это более расплывчатые термины, выражающие скорее упрощенное сведение противоборствующих сторон к красным и белым, революции и контрреволюции» (с. 11). Действительно, строго говоря, массовый красный террор как официальная государственная политика существовал в краткий исторический период между сентябрем — ноябрем 1918 г.: не ранее второй половины дня 31 августа — не позднее 1 сентября 1918 г. Бюро ЦК РКП(б), в условиях ранения В. И. Ленина и по инициативе Я. М. Свердлова, приняло решение об объявлении массового красного террора против буржуазии и ее наймитов, проведенное в советском порядке 2 сентября на заседании ВЦИК, 5 сентября — на заседании Совнаркома. В то же время уже в ноябре 1918 г. ленинское руководство от массового красного террора как целенаправленной политики отказалось¹¹.

Рецензируемый труд наносит серьезный удар по распространенной в публицистике, художественной литературе, кино и на телевидении героизации и романтизации Белого движения. Особо показателен включенный И. С. Ратьковским в книгу майский приказ А. В. Колчака 1919 г., в котором говорится, в частности: «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной. Командирам я приказываю расстреливать всех захваченных коммунистов. Сейчас мы делаем ставку на штык» (с. 247). Да и архивные свидетельства об июльском 1919 г. массовом терроре белогвардейцев в Перми как проявлении «людоедской сущности» Белого движения» (с. 267) никак не укладываются в эпос о тех, кто ушел, «не долюбив, не докурив последней папиросы». Несомненно, подобного рода документы следовало бы порекомендовать создателям фильмов, спектаклей и телевизионных проектов об «Адмирале». Впрочем, едва ли кто-нибудь из создателей подобных произведений откроет труд И. С. Ратьковского — писать критические биографии А. И. Деникина и А. В. Колчака сейчас не принято, а для героизации указанных лиц как политических деятелей материала, прямо говоря, маловато.

Автор книги, будучи специалистом не только по белому, но и по красному террору¹², естественно, не мог не поделиться своими соображениями о соотношении масштабов этих двух явлений в годы Гражданской войны. По его мнению, «многие стереотипные представления о практике белых репрессий не

соответствуют имеющимся современным данным. При этом речь идет не только о масштабах антибольшевистского террора, по мнению [Ратьковского], *не уступавшего красному террору* (курсив наш. — С. В.). Речь идет и о широкомасштабной практике применения концлагерей, заложников, пыток, регламентации репрессий, использовании отравляющих газов и многих других явлениях. <...> Представляется, что только через дискуссии и уточнения, принятие фактов малой истории возможно создание объективной истории Гражданской войны в России» (с. 20). На наш взгляд, в некотором уточнении нуждается выделенный нами тезис И. С. Ратьковского. Как представляется, белый террор был по определению более жесток к населению России, чем красный, поскольку осуществлялся он в том числе при содействии иностранных интервентов — в конце концов, не зря концлагеря на территории нашей страны первыми устроили на русском Севере, на острове Мудьюг, англичане¹³. Автор книги, цитируя издание 1939 г., справедливо указывает: «За время интервенции через тюрьмы Архангельска прошло около 52 тыс. чел. — 11 % всего населения Архангельской губернии. В каторжной тюрьме на острове Мудьюге — “острове смерти”, как справедливо называют его, “побывало” свыше тысячи человек, из них расстреляно и погибло от болезней свыше 200 чел. В другой каторжной тюрьме — на Иоканье — томилось свыше 1200 политкаторжан, из которых более 300 чел. погибло от цинги, тифа и зверски убито белогвардейскими палачами. Всего по “статистике” белых было расстреляно по приговорам военно-полевых судов до 4000 трудящихся. А сколько расстреляно без суда — это остается неизвестным, так как в этих случаях никакой статистики не велось» (с. 119–120). При этом И. С. Ратьковский вводит в широкий исторический оборот данные о концлагерях белого Юга, например Азовского концлагеря (с. 250–251, 304). Таким образом, концлагерная практика белых Севера, Востока и Юга представляется как элемент карательной системы Белого движения. Все это крайне важно, поскольку идея о том, что, победи белые, в России отнюдь не наступил бы расцвет демократии, а установился бы тоталитарный политический режим, не является в настоящее время не только массово принятой, но и вообще четко сформулированной и внятно озвученной.

В книге в хронологической последовательности приводятся многочисленные связанные друг с другом приказы и распоряжения военных руководителей Белого движения, тем самым автор фиксирует системность белого террора. Очевидно, что это одно из перспективных направлений изучения данного явления.

К сожалению, в работе содержатся отдельные неточности: «Данные о 2500 жертвах “Майкопской резни” приведены в работе к. и. н. И. С. Ратьковского» (с. 159). Из сноски к данному фрагменту выясняется, что далее вместо точки должен был следовать текст «и д. и. н. М. В. Ходякова» (с. 393, сноска 724). РГАСПИ фигурирует в книге под старым названием — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) (с. 267). Отдельные сноски оформлены не вполне корректно (с. 425, сноска 1412). Пространные цитаты в книге в подавляющем большинстве содержат ссылку на источник, однако есть и досадные исключения (например, на с. 186–187 отсутствует примечание к приказу № 203 градоначальника Ростова-на-Дону полковника Грекова еврейскому населению обратить внимание подрастающего поколения на необходимость «вести

себя прилично» и не сеять «смуту» под страхом смертной казни). Желательны были бы также именной и географический указатель.

Указанные моменты ни в малейшей степени не умаляют научное значение рецензируемого труда. Книга И. С. Ратьковского представляет собой фундаментальное справочно-документальное издание, существенно уточняющее и расширяющее существующие представления о белом терроре как историческом явлении. Книга будет полезна специалистам по социальной истории Гражданской войны в России, белого террора, биографам лидеров и видных деятелей Белого движения и ученым-краеоведам, интересна массовому читателю, которому небезразличны отечественная история и, как следствие, судьба нашей страны — в ее прошлом, настоящем и будущем.

¹ Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920). М., 2006.

² Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

³ Так, автор часто оспаривает широко распространенные данные, например о «500 жертвах» юнкерского расстрела в Кремле (с. 21–24), указывая на очевидную завышенность этих цифр (здесь и далее при ссылках на книгу Ратьковского страницы указываются в тексте. — *Ред.*).

⁴ Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.

⁵ В последний раз подобный доклад мы слышали на круглом столе «Революция и государство: проблемы политической безопасности» в Общественной палате РФ 16 декабря 2015 г.

⁶ Цит. по: Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 49.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Цит. по: Там же. С. 55.

¹⁰ Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Россия в Первой мировой: Великая забытая война. М., 2014. С. 139.

¹¹ См. об этом: Войтиков С. С.: 1) Вацетис, Корнилов, Тухачевский. М., 2016. С. 220–247.

¹² См., напр.: Ратьковский И. С.: 1) Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006; 2) Особенности деятельности Петроградской ЧК по предотвращению террористических актов в период гражданской войны // Гороховая, 2. Санкт-Петербург, 2006. С. 45–49; 3) Первый год деятельности Петроградской ЧК (март 1918 — март 1919) // Проблемы новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 252–271; 4) Петроград и петроградская губчека в начале 1919 г. (январь — март) // Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. 1703–2002: сб. ст. СПб., 2002. С. 217–225.

¹³ См., напр.: Голуб П. А. Белый террор в России... С. 157 и сл.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Войтиков С. С. «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной»: основа для обсуждения ключевых проблем одной из крупнейших трагедий России // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1032–1040. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.416>
УДК 94(470)

Аннотация: В 2006 г. крупнейший специалист по истории белого террора в России П. А. Голуб выпустил историко-документальный очерк по своей основной научной теме. Издание данной книги,

базирующейся на обширных работах автора советского периода, в издательстве «Патриот» (бывшем издательстве «ДОСААФ») было абсолютно логично, поскольку книга Голуба представляла собой не только фундаментальное исследование белого террора, но и яркое публицистическое произведение. В настоящей рецензии анализируется новое издание о белом терроре в России известного петербургского историка И. С. Ратьковского, написанное в строго академическом стиле. В книге в хронологической последовательности приводятся многочисленные связанные друг с другом приказы и распоряжения военных руководителей Белого движения, тем самым автор фиксирует системность белого террора. Очевидно, что это одно из перспективных направлений изучения данного явления. Книга И. С. Ратьковского представляет собой солидное справочно-документальное издание, существенно уточняющее и расширяющее существующие представления о белом терроре как историческом явлении. На основе корпуса опубликованных источников, а также архивных документов автор анализирует указанное явление, делает вывод о том, что белый террор был ничуть не менее масштабным, чем красный. Книга будет полезна специалистам по социальной истории Гражданской войны в России, белого террора, биографам лидеров и видных деятелей Белого движения и ученым-краеведам, интересна массовому читателю, которому небезразличны отечественная история и, как следствие, судьба нашей страны в ее прошлом, настоящем и будущем.

Ключевые слова: белый террор, И. С. Ратьковский, А. В. Колчак, А. И. Деникин, Белое движение.

Сведения об авторе: Войтиков С. С. — канд. ист. наук, Центр публикации архивного фонда, Центральный государственный архив города Москвы (Москва, Россия); svoyt@mail.ru

FOR CITATION

Voytikov S. S. 'The "Civil War Must Be Merciless due to Necessity": The Basis for Discussion on the Key Issues of One of the Biggest Russian Tragedies', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 1032–1040. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.416> (In Russian)

Abstract: In 2006 the most authoritative historian on the Russian White Terror, P. A. Golub, published an historical and documentary essay on his main scholarly theme. The publication of this book by publishing house "Patriot" (formerly DOSAAF), based on the author's extensive work on the Soviet period, was absolutely logical, since Golub's book was not only a fundamental study of the White Terror, but also a vivid journalistic work. In this review analyzed a new book about Russia white terror written by the famous St. Petersburg historian I. S. Ratkovsky, in a strictly academic style. The author interprets the very term "white terror" broadly. According to him, "white terror" is a rather generalized term that includes phenomena that occurred under various "political signs", both of the White movement itself and in general of anti-Bolshevik resistance, including the right-wing socialist regimes of the "democratic counterrevolution" of the summer — autumn 1918 year. In the book in the chronological and causal sequence are the numerous orders and orders of White movement military leaders, so the author fixes the systematic nature of Russia white terror (obviously, this is one of the promising areas for studying it). I. S. Ratkovsky's research is a solid reference and documentary publication, significantly refining and expanding the existing understanding of Russia white terror as a historical phenomenon.

Keywords: white terror, I. S. Ratkovskiy, A. V. Kolchak, A. I. Denikin, White movement.

Author: Voytikov S. S. — Candidate of History, Chief Specialist, Central State Archive of the City of Moscow (Moscow, Russia); svoyt@mail.ru

References:

Golub P. A. *Belyj terror v Rossii (1918–1920)* (Moscow, 2006).

Lubyanka: *Organy VChK — OGPU — NKVD — NKGB — MGB — MVD — KGB. 1917–1991: spravochnik*, Comp. by A. I. Kokurin, N. V. Petrov (Moscow, 2003).

Ratkovskiy I. S. *Hronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)* (Moscow, 2017).

Ratkovskiy I. S. *Krasnyj terror i deyatelnost VChK v 1918 godu* (St. Petersburg, 2006).

Ratkovskiy I. S. 'Osobennosti deyatelnosti Petrogradskoj ChK po predotvrashheniju terroristicheskikh aktov v period grazhdanskoj vojny', *Gorokhovaja*, 2 (St. Petersburg, 2006).

Ratkovskiy I. S. 'Pervyi god deyatelnosti Petrogradskoy ChK (mart 1918 — mart 1919)', *Problemy noveyshej istorii Rossii: sb. st. k 70-letiju so dnya rozhdenia G. L. Soboleva* (St. Petersburg, 2005).

Ratkovskiy I. S. 'Petrograd i petrogradskaja gubcheka v nachale 1919 g. (janvar — mart)', *Sankt-Peterburg — Petrograd — Leningrad. 1703–2002: (po itogam Vseros. konf., 19–20 dekabrya 2001 g.)* (St. Petersburg, 2002).

Ratkovskiy I. S. 'Vosstanovlenie v Rossii smertnoj kazni na fronte letom 1917 g.', *Modern History of Russia*, no. 1, 2015.

Svechin A. A. 'Obshchii obzor sukhoputnykh operatsiy', *Rossija v Pervoj mirovoj: Velikaya zabytaya vojna* (Moscow, 2014).

Voytikov S. S. *Vacetis, Kornilov, Tukhachevskiy* (Moscow, 2016).